

## Популизм как объект научных исследований

Василий С. Грибовский

*Независимый исследователь, Москва, Россия,*

*vasily.gribovsky.92@mail.ru*

*Аннотация.* Став популярным термином на рубеже XX–XXI вв., популизм в то же время в силу ряда причин остается одним из наиболее сложных для исследования общественно-политических явлений. Скепсис в научном сообществе касательно этого феномена был настолько велик, что известные политологи ставили под сомнение целесообразность его употребления или вовсе предлагали отказаться от него. В статье анализируется путь, который прошла политическая наука в деле изучения популизма. Автор рассматривает точки зрения политологов из разных стран, суммирует их выводы и заключает, что к настоящему времени академическому сообществу удалось найти ключевые признаки, позволяющие составить каркас популизма как научно исследуемого явления. Однако говорить об универсальной концепции столь глубокого и многогранного феномена представляется едва ли возможным. По этой причине столь же дискуссионным остается вопрос, какую партию можно отнести к разряду популистских.

Утверждение о том, что популизм является идеологией, представляется, на наш взгляд, не совсем рациональным. Этим термином принято обозначать совокупность тех или иных идей, например либерализм или консерватизм, тогда как популизм, напротив, не имеет конкретных идей, представляя собой описанный выше стиль поведения в рамках партийно-политической системы.

*Ключевые слова:* популизм, популистские партии, популистские движения, популистские стратегии, левый популизм, правый популизм

*Для цитирования:* Грибовский В.С. Популизм как объект научных исследований // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 47–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-47-61

## Populism as an object of scientific research

Vasilii S. Gribovskii

*Independent researcher, Moscow, Russia,  
vasily.gribovsky.92@mail.ru*

*Abstract.* Having become a popular term at the turn of the 20<sup>th</sup> and 21<sup>st</sup> centuries, populism at the same time, for a number of reasons, remains one of the most difficult socio-political phenomena to study. Skepticism in the scientific community regarding the phenomenon was so great that well-known political scientists questioned the appropriateness of its use or even suggested abandoning it. The article analyzes the path that political science has followed in the study of populism. The author considers the points of view of political scientists from different countries, summarizes their findings and concludes that by now the academic community has managed to find the key features that make it possible to form the framework of populism as a scientifically researchable phenomenon. However, it seems hardly possible to speak of a universal concept of such a deep and multisided phenomenon. Therethrough, the question of which party can be classified as populist remains equally debatable.

The claim that populism is an ideology seems, in our opinion, not entirely rational. That term is used to denote a set of certain ideas, for example, liberalism or conservatism, whereas populism, on the contrary, does not have specific ideas, representing the style of behavior described above within the framework of the party-political system.

*Keywords:* populism, populist parties, populist movements, populist strategies, left populism, right populism

*For citation:* Gribovskii, V.S. (2024), "Populism as an object of scientific research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 47–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-47-61

### *Проблемы исследования популизма*

Феномен популизма получил широкую известность в последние десятилетия. В 2016 г., когда президентом США был избран Д. Трамп, а Великобритания проголосовала за выход из Европейского союза, этот термин стал одним из самых часто употребляемых среди международных политических обозревателей, а Кембриджский словарь даже объявил его словом года.

В то же время в академическом сообществе он не является новой категорией и известен с конца XIX столетия. В 1892 г. в США была основана Народная партия, также известная как Популист-

ская партия. Ее название было отсылкой к слову “populus”, что в переводе с латинского языка обозначает «народ». Позиционируя себя как третья политическая сила наряду с Демократической и Республиканской партиями, эта организация считала, что в США господствует «власть денежного мешка», выступала за предоставление дешевых кредитов, введение прямой демократии и другие социально одобряемые меры.

До середины XX в. использование термина «популизм» ограничивалось в основном историками, изучавшими Народную партию и некоторые авторитарные режимы в Южной Америке, строившиеся на массовой поддержке за счет привлекательных лозунгов о распределении общественных благ в пользу малоимущих слоев населения [Werz 2003, p. 15]. Новую главу в исследовании популизма открыл американский социолог Э. Шилс, опубликовавший в 1954 г. статью, в которой предложил именовать этим термином протестные антиэлитные настроения в США. Несмотря на разгоревшийся интерес к этой теме, политологам так и не удалось договориться о едином понимании этого явления, о чем свидетельствовала неудачная тематическая конференция 1967 г. в Лондоне [Allcock 1971, p. 378].

Популизм оставался малоизученным общественно-политическим явлением до 1980-х гг., когда в Западной Европе стали появляться и постепенно укрепляться силы, которые можно условно обозначить как правые партии «политической альтернативы». Критикуя практикуемую форму европейской интеграции и политику открытых дверей в отношении иммигрантов, главным образом из мусульманских стран, они угрожали ослабить электоральную поддержку правивших партий, строивших свои программы вокруг расширявшегося взаимодействия между странами Европейского союза и углубляемого мультикультурализма. Поэтому лишь в конце XX в. возникла серьезная потребность исследовать популизм как феномен и дать ему определение, чтобы понять, уместно ли относить ту или иную партию к числу популистских.

Пытаясь сформировать научный подход к популизму, политологи столкнулись с целым рядом проблем. Во-первых, популизм, увязанный в общественном сознании с Народной партией США, деятельность которой наталкивалась на серьезную критику из самых разных политических лагерей, с самого начала своего существования заработал плохую репутацию. Именно с тех пор этот термин стал применяться как синоним демагогии [Stanley 2008, p. 101] и своего рода общественно-политической патологии [Mudde 2011, p. 4], т. е. в крайне критическом и почти оскорбительном ключе. Хотя И. Мени и И. Сюрель подчеркивают особую роль средств массовой информации, применяющих термин «популизм»

к недавно образованным политическим или социальным движениям, бросающим вызов укоренившимся ценностям, правилам и институтам демократической ортодоксии [Mény, Surel 2002, p. 3], подобный подход можно встретить также в академической среде. У. Альтерматт, в частности, даже использует термин «правопопулистский синдром» [Altermatt 1996, p. 193], фактически сравнивая присутствие представляющих его партий с болезнью политических систем, от которых их необходимо лечить.

Во-вторых, ни одна партия за всю историю, кроме Народной партии США, не называла себя популистской, не желая распространять на себя порочность этого слова. Кроме того, политолог М. Канован справедливо замечает, что в мире не сформировалось даже прообраза международного популистского движения, которое могло бы попытаться контролировать и соответственно ограничить столь широкое употребление этого термина, в результате чего он получил совершенно разные толкования. В этом состоит существенное отличие популизма от других широко употребляемых в политике терминов, например либерализма и консерватизма, социализма и национализма, которые широко использовались партиями в качестве самоназвания, давшими им собственное смысловое наполнение [Canovan 1981, pp. 5–6].

В-третьих, отсутствие серьезных исследований по этой теме в течение почти сотни лет и привело к тому, что в популисты стали записывать крайне разнообразные партии и движения, которые хотя бы чем-то напоминали Народную партию США. Самым хрестоматийным примером может служить «народническое» движение, существовавшее во второй половине XIX в. в Российской империи. Это была весьма своеобразная идеологическая тенденция, напоминавшая скорее философию, когда представители интеллигенции устраивали «хождения в народ» с целью обрести «народную мудрость» и восстановить утерянную связь с корнями. Они выступали против ускоренного развития капитализма, считая именно аграрный социализм залогом процветания России [Вагер 2014, p. 5]. Несмотря на то что это движение, на первый взгляд, не имело ничего общего с популизмом в духе Народной партии США в силу совершенно разной социально-политической ситуации в двух странах, некоторые западные политологи сочли его популистским и ошибочно перевели русское слово «народники» на языки стран Западной Европы буквально как «популисты».

Таким образом, термин «популизм» в силу ряда причин – плохой репутации в США и западном мире в целом, отсутствия организации, использующей его в качестве самоназвания, а также огромного разнообразия кейсов в самых разных странах мира – со

временем превратился в своего рода «кнут», которым стало принято хлестать политических оппонентов, считавшихся, по выражению М. Канован, выбивающимися из политического мейнстрима или представляющими угрозу демократии [Canovan 2004, p. 244].

Подобная практика привела к значительному обесцениванию популизма как политической концепции. В этой связи некоторые политологи, особенно те, кто был пионером в сфере исследований популизма, ставили под сомнение целесообразность применения этого термина или вовсе предлагали отказаться от его использования. Так, по мнению Р. Коллиера, существующие концепции включают слишком многие составные части, которые трудно привести к общему знаменателю<sup>1</sup>, тогда как П. Таггарт назвал популизм «одной из наиболее широко используемых, но малоопытных политических концепций нашего времени» [Taggart 2002, p. 162]. От этого взгляда не отказались и многими годами позже: например, У. Бретт охарактеризовал популизм как классический пример растянутой концепции, потерявшей форму из-за чрезмерного и неправильного использования [Brett 2013, pp. 410–411].

### *Идейный подход*

Другие же политологи, тоже понимавшие уязвимость популизма как объекта исследований, были настроены все же менее скептически. Так, М. Канован в шутку заявляет, что если бы термина «популизм» не существовало, то ни один ученый не стал бы его сознательно изобретать, поскольку он слишком двусмысленный, и в то же время отмечает, что этот термин представляет собой указатель на интересную и в значительной степени неисследованную область политического и социального опыта [Canovan 1981, p. 6]. Д. Альбертацци и Д. Макдоннелл считают, что термин «популизм» при тщательном определении можно использовать в отношении ряда политических акторов [Albertazzi, McDonnell 2008, p. 3]. К. Мудде и К.Р. Кальтвассер подчеркивают его большую важность для дебатов о политике от Европы до Америки, не позволяющую просто так покончить с ним [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017, p. 5]. Б. Стэнли отмечает настойчивость, с которой этот термин повторяется учеными, политиками и средствами массовой информации, из чего политолог делает вывод о существовании «неустрашимого ядра» популизма [Stanley 2008, p. 100], т. е. того, что присуще всем

---

<sup>1</sup> Collier R. Populism // International encyclopedia of social and behavioral sciences. Oxford: Elsevier, 2001.

тем, кого принято относить к числу популистов, и что, следовательно, можно изучать научными методами. Таким образом, академические круги, преодолев определенные сомнения касательно рассматриваемого термина как исследовательской категории, все же пришли к выводу о том, что, несмотря на все различия между признаваемыми популистскими оппозиционными партиями во всех странах мира, все же существуют критерии, позволяющие исследовать их в общей рамке.

Так, М. Канован утверждает, что популизм – это политический стиль, нацеленный на завоевание максимально широкой электоральной поддержки [Canovan 1981, p. 261].

А. Цинелль подчеркивает, что деятельность популистов всегда направлена против сложившейся политической системы [Zinnel 1996, pp. 15–18]. К. Мудде называет популизмом своеобразный способ политической самоподачи, связанный с крайним упрощением представлений об общественных процессах и относящийся не столько к содержанию, сколько к стилю [Mudde 2004, p. 541]. Ф. Декер считает, что в основе популизма лежит спекуляция страхами населения в собственных узкопартийных целях посредством простых и ясных решений политических проблем [Decker 2006, p. 1].

По мнению Н. Гетц, популизм – это скачкообразная политика, которая не содержит никаких фундаментальных политических идей и нацелена на получение немедленной поддержки избирателей [Goetz 2006, p. 4]. С точки зрения Альбертацци и Макдоннелла, популизм основывается на агитации против элит и других «опасных элементов», которые вместе изображаются как силы, лишаящие суверенный народ его прав, ценностей, процветания, идентичности и голоса [Albertazzi, McDonnell 2008, p. 3]. К. де ла Торре определяет популизм как «манихейский дискурс», разделяющий общество и изображающий политику как борьбу между двумя непримиримыми и антагонистическими лагерями: народом и властью, выраженной олигархией или силовым блоком [De la Torre 2017, p. 195]. А.Н. Медушевский утверждает, что популизм есть система социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества на быстрые и раздражающие социальные изменения [Медушевский 2017, с. 28]. М. Ансельми предлагает рассматривать популизм как политическое проявление однородного сообщества людей, которое осознает себя абсолютным носителем народного суверенитета и выразителем антиэлитарной позиции [Anselmi 2018, p. 8].

В трудах, опубликованных на рубеже XX–XXI вв., можно проследить следующую тенденцию: разные ученые, несмотря на

существенную разницу в подходах к популизму, все же приходят к общим выводам. Они сходятся в том, что главным критерием этого феномена является спекулятивное применение слова «народ» и вытекающей из этого дихотомии «свои – чужие» [Медушевский 2019; Мартинец 2019]. В политической науке этот подход определяется как идейный и в настоящий момент считается основным. Рассмотрим его более подробно.

Пытаясь определить одним словом то, что популисты имеют в виду под словом «народ», П. Таггарт первым предложил довольно емкий термин «хартленд» (heartland), то есть сердцевина в буквальном переводе с английского языка [Taggart 2000, p. 95]. Это утверждение является своего рода отсылкой к концепции английского географа Х. Маккиндера, который впервые предложил вышеназванный термин, обозначив им массивные земли в северо-восточной части Евразии. В концепции же П. Таггарта речь идет о некоей сердцевине общества, которая, по убеждению популистов, объединяет в себе добродетельных и однородных людей. На этих двух качествах строится популистская концепция «народа».

Итак, популистские партии продвигают утверждение, в соответствии с которым «народ» является добродетельным источником власти. По их убеждению, он испытывает угнетение со стороны коррумпированной политической элиты и низведен до статуса политического «аутсайдера» в собственной стране [Stanley 2008, p. 105]. Подобное политическое поведение дает политологам право утверждать, что суть популизма, по выражению К. Мудде, сводится к противопоставлению «хорошего народа» и «плохой элиты». В политической плоскости подобное мировоззрение конвертируется в преклонение перед «простым народом», пропаганду общего неприятия политического истеблишмента [Mudde 2004, p. 543], представление самих себя как единственных выразителей воли «молчащего большинства» [Mudde 2002, p. 41], неуважение к плюрализму мнений [Макаренко 2017, p. 15] и требования радикально преобразовать политическую систему [Decker 2000, p. 50]. Таким образом, популисты, отрицая, что у разных граждан и социальных групп могут быть различающиеся и прямо противоположные взгляды на этнополитическое и социально-экономическое устройство страны, и объединяя все эти группы в один термин «народ», очень грубо упрощают действительное положение вещей.

Вторым «китом», на котором стоит популизм, является представление об однородности «народа», которое, впрочем, может сильно варьироваться в зависимости от того, к какому флангу принадлежит партия. Так, например, левые имеют тенденцию понимать «народ» более широко, включая в нее не только «хартленд», но

и всевозможные меньшинства, и исключая из него только тех, кто принадлежит к «элите». Напротив, правые, ориентируясь на социокультурную группу, для которой присущи определенные традиции и ценности, видят «зло» не только в правящих кругах, но и в тех, кто не вписывается в их видение «народа», прежде всего в мигрантах из мусульманских стран [Mudde, Rovira Kaltwasser 2013, p. 14]. В этой связи уместно привести утверждение А. Пелинки, согласно которому правые популисты, в отличие от левых, добавляют к образу вертикального врага («элита» vs «народ») образ горизонтального, видя в нем угрозу социально-экономическому благополучию [Binder 2005, p. 6] и культурной идентичности [Grabow, Hartleb 2013, p. 11] и требуя исключить всех «нарушителей» гомогенного в их представлении «народа» [Осколков 2019, с. 149]. Им свойственно обвинять «элиты» в том, что она скрыто поддерживает враждебную деятельность «чужих» инокультурных элементов или недостаточно препятствует ей [Geden 2007, p. 10]. По их мнению, либеральная демократия, в частности политика открытых дверей, ведет к ослаблению «народного суверенитета», что выражается в размывании идентичности и культуры местного «хартленда» [Binder 2005, p. 4]. По этой причине можно утверждать, что в риторике правых популистов народ, понимаемый как сообщество людей одного происхождения и единого культурного уклада, и нация, то есть сообщество объединенных общим гражданством людей, становятся взаимозаменяемыми категориями [Mudde 2004, p. 549].

С учетом всего вышесказанного популизм в политической науке принято делить на инклюзивный, то есть включающий в себя, и эксклюзивный, то есть исключаящий из себя. В настоящее время первый тип представлен преимущественно левыми партиями, тогда как второй тип – правыми [Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019, p. 5]. Однако необходимо отметить, что эта дихотомия не статична, а динамична, поскольку нынешние тенденции были таковыми не всегда. Еще в начале XX в. левые силы представляли собой, наоборот, ярко выраженную эксклюзивную разновидность популизма, называя себя «авангардом пролетариата» и исключая из придуманной ими концепции «народа» тех, кого они пренебрежительно относили к числу «буржуев», «кулаков», «церковников» и прочих «капиталистических угнетателей».

Впрочем, эта дихотомия не является совсем чистой. Так, правые партии эксклюзивного популизма иногда, руководствуясь соображениями политической выгоды, могут дать голос представителям различных меньшинств. Напротив, левые популисты могут существенно варьироваться по степени инклюзивности [Mudde, Rovira Kaltwasser 2013, p. 16]. В качестве примера можно привести случай

с национал-консервативной партией «Альтернатива для Германии», когда в ее руководство была выдвинута открытая лесбиянка А. Вейдель, что, однако, не привело к изменению позиции этой политической силы по семейным вопросам. Другой пример – это риторика левого Э. Моралеса в Боливии, строившего концепцию «народа» на основе индейского «хартленда» в пику потомкам европейских колонизаторов. В этой связи политологи пришли к выводу, что разница между видами популизма не в том, включает ли кого-либо та или иная партия, а в том, кого она исключает из собственного видения «народа» [Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019, p. 5].

Сам по себе популизм не имеет какого-либо идеологического наполнения. По этой причине его нельзя отнести ни к левому, ни к правому флангу [Brett 2013, p. 410]. По мнению целого ряда политологов, популизм со структурной точки зрения представляет собой «идеологию с тонким центром» (thin-centred ideology), которая сама по себе считается нематериальной, то есть не содержащей в себе какие-либо идейные постулаты и потому неспособной стать флагманом перемен. Тем самым он решительно отличается от «идеологий с толстым центром» (thick-centred ideology), таких как социализм, либерализм, консерватизм и национализм, которые представляют собой полноценное мировоззрение и в соответствии с которыми могут проводиться те или иные политические и социально-экономические преобразования [Mudde 2004, p. 544]. По этой причине популизм как «тонкая» идеология обычно сочетается с вышеназванными «толстыми» идеологиями, в результате чего возникают очень различающиеся, порой даже противоречащие друг другу формы этого явления, которые все, впрочем, относятся к термину «популизм».

Примеров тому можно привести множество. Так, в начале XXI в. популизм в Латинской Америке отождествляли с «левым поворотом», когда к власти пришли политики, в частности У. Чавес в Венесуэле и Э. Моралес в Боливии, чьи партии продвигали социалистические программы, завязанные на социально привлекательных лозунгах. В те же времена в Европе популистами называли правые политические силы, например Национальный фронт во Франции и Австрийскую партию свободы, чья повестка была направлена против расширения европейской интеграции и политики открытых дверей в отношении мусульманских мигрантов. Другими словами, в данном случае речь идет скорее о национализме и идеологии суверенитета. Таким образом, популизм, если говорить абстрактно, представляет собой скорее яркую «упаковку», в которую различные политические партии и движения помещают тот или иной идеологический «продукт».

Итак, проанализировав текущее состояние популизма как объект исследований, мы можем констатировать, что академическое сообщество в решающей мере преодолело былой скептицизм относительно исследований этого феномена и добилось существенного прогресса в деле его теоретизации. Изучая популизм в разных странах мира, ученые смогли вычлениить и сформулировать ряд признаков, присущих всех популистским партиям и движениям. Главными из них являются разделение общества на «своих» и «чужих» и представление себя в качестве выразителей «народной воли». В то же время, как замечает Н. Гетц, следует иметь в виду, что создание универсальной концепции популизма невозможно, потому что каждая популистская партия имеет свои особенности, связанные как с политической системой и социально-экономическими условиями страны, в которой она действует, так и с противниками, против которых она выступает [Goetz 2006, p. 3].

*«Лаклауанский»,  
или мобилизационный, подход*

Другой подход был разработан аргентинским политологом Э. Лаклау. Ученый рассматривает популизм как способ вовлечения населения в политическую жизнь той или иной страны. В этом отношении данное явление воспринимается не отрицательно, как при идейном подходе, а, наоборот, положительно – как необходимый компонент коммунитарной демократии [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017, p. 3]. Сторонники этого подхода называют популизм «освободительной силой», мобилизующей «исключенные» слои общества (т. е. «народ» в риторике популистов) против политических элит и направленной на изменение статус-кво.

В современной политической науке этот подход определяется как лаклауанский. В самом названии делается акцент на имени самого ученого, происходящего из Латинской Америки и посвятившего себя политическим исследованиям именно этого макрорегиона [Tormey 2018, p. 262]. Его также уместно было бы обозначить как мобилизационный – по главной идее политолога. В настоящий момент данная точка зрения на популизм не является магистральным направлением мысли, поскольку подавляющее большинство политологов рассматривают и исследуют это явление в числе отрицательных.

## Выводы

Изучив текущее состояние теоретических наработок в сфере популизма, мы можем сформулировать собственную концепцию этого явления.

С нашей точки зрения, популизм – это особый стиль поведения политической партии, целью которого является завоевание максимально возможной поддержки среди протестного и пассивного электората, что осуществляется путем вычленения из всего населения страны «благодетельного простого народа», объявления его «угнетенным» и соответственно противопоставления его «плохой элите», а также обещаний быстро решить сложнейшие социально-экономические и этнополитические проблемы в стране посредством простых и интуитивно понятных избирателю решений.

В этой связи приведенное в статье утверждение некоторых политологов о том, что популизм является идеологией, пусть даже и «тонкой» идеологией, представляется, на наш взгляд, не совсем рациональным. Этим термином все же принято обозначать совокупность тех или иных идей, например либерализм или консерватизм, тогда как популизм, напротив, не имеет конкретных идей, представляя собой описанный выше стиль поведения в рамках партийно-политической системы.

## Литература

---

- Макаренко 2017 – *Макаренко Б.И.* Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2. С. 15–27.
- Медушевский 2017 – *Медушевский А.Н.* Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2. С. 28–47.
- Медушевский 2019 – *Медушевский Н.А.* Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 99–111. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111.
- Мартинец 2019 – *Мартинец Ю.А.* Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 123–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138.
- Осколков 2019 – *Осколков П.В.* Правый популизм в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. 164 с.
- Albertazzi, McDonnell 2008 – *Albertazzi D., McDonnell D.* Introduction. The Sceptre and the Spectre. Houdmills; N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 1–11.

- Allcock 1971 – *Allcock J.B.* Populism. A brief biography // *Sociology*. 1971. No. 3 (5). P. 371–387.
- Altermatt 1996 – *Altermatt U.* Das Fanal von Sarajevo: Ethnonationalismus in Europa. Paderborn, 1996. 288 p.
- Anselmi 2018 – *Anselmi M.* Populism. An introduction. L.: Routledge, 2018. P. 130.
- Bauer 2014 – *Bauer W.* Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wien, 2014. 166 p.
- Binder 2005 – *Binder T.* Die Wahlerfolge rechtspopulistischer Parteien – eine Folge von Modernisierungsprozessen? Berlin, 2005. 21 p.
- Brett 2013 – *Brett W.* What's an elite to do? The threat of populism from left, right and centre // *The Political Quarterly*. 2013. No. 3 (84). P. 410–413.
- Canovan 1981 – *Canovan M.* Populism. N.Y., 1981. 351 p.
- Canovan 2004 – *Canovan M.* Populism for political theorists? // *Journal of Political Ideologies*. 2004. No. 3 (9). P. 241–252.
- Decker 2000 – *Decker F.* Parteien unter Druck. Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. 384 p.
- Decker 2006 – *Decker F.* Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Wiesbaden, 2006. 256 p.
- De la Torre 2017 – *De la Torre C.* Populism in Latin America // *The Oxford handbook of populism*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.
- Geden 2007 – *Geden O.* Rechtspopulismus. Funktionslogiken – Gelegenheitsstrukturen – Gegenstrategien. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2007. 27 p.
- Goetz 2006 – *Goetz N.* Bedeutung und Tendenzen des Rechtspopulismus unter Berücksichtigung des Aspekts Migration, München, 2006. 51 p.
- Grabow, Hartleb 2013 – *Grabow K., Hartleb F.* Europa – Nein Danke? Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2013. 27 p.
- Hawkins, Rovira Kaltwasser 2019 – *Hawkins K.A., Rovira Kaltwasser C.* Introduction. The ideational approach // *The ideational approach to populism. Concept, theory, and analysis*. Routledge studies in extremism and democracy. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 1–24.
- Mény, Surel 2002 – *Mény Y., Surel Y.* The constitutive ambiguity of populism // *Democracies and the populist challenge*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 1–23.
- Mudde 2002 – *Mudde, C.* England belongs to me. The extreme right in the UK parliamentary election of 2001 // *Representation*. 2002. No. 39. P. 37–43. DOI: 10.1080/00344890208523212.
- Mudde 2004 – *Mudde C.* The populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. No. 4 (39). P. 541–563.
- Mudde 2011 – *Mudde C. et al.* Voices of the peoples. Populism in Europe and Latin America compared // *Working paper of the Helen Kellogg Institute for international studies*. 2011. No. 378. URL: [http://works.bepress.com/cas\\_mudde/32/](http://works.bepress.com/cas_mudde/32/) (дата обращения 25 марта 2024).

- Mudde, Rovira Kaltwasser 2013 – *Mudde C., Rovira Kaltwasser C.* Exclusionary vs inclusionary populism. Comparing contemporary Europe and Latin America // Government and opposition. 2013. No. 2. P. 147–174.
- Mudde, Rovira Kaltwasser 2017 – *Mudde C., Rovira Kaltwasser C.* Populism. A very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017. 136 p.
- Stanley 2008 – *Stanley B.* The thin ideology of populism // Journal of political ideologies. 2008. No. 1 (13). P. 95–110.
- Taggart 2000 – *Taggart P.* Populism. Buckingham: Open University Press, 2000. 128 p.
- Taggart 2002 – *Taggart P.* Populism and the pathology of representative politics // Democracies and the populist challenge. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 62–80.
- Tormey 2018 – *Tormey S.* Populism: democracy's pharmakon? // Policy studies. 2018. No. 3. P. 260–273.
- Werz 2003 – *Werz N.* Populismus // Populisten in Übersee und Europa. Opladen, 2003. P. 15–43.
- Zinnel 1996 – *Zinnel A.* Moderner Rechtspopulismus in Frankreich. Frankfurt a/M., 1996. 236 p.

## References

---

- Albertazzi, D. and McDonnell, D. (2008), *Introduction. The Sceptre and the Spectre*, Palgrave MacMillan, Houndmills, New York, USA, pp. 1–11.
- Allcock, J.B. (1971), “Populism. A brief biography”, *Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 371–387.
- Altermatt, U. (1996), *Das Fanal von Sarajevo, Ethnonationalismus in Europa*, Paderborn, Germany.
- Anselmi, M. (2018), *Populism. An introduction*, Routledge, London, UK.
- Bauer, W. (2014), *Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa*, Wien, Austria.
- Binder, T. (2005), *Die Wahlerfolge rechtspopulistischer Parteien – eine Folge von Modernisierungsprozessen?* Berlin, Germany.
- Brett, W. (2013), “What’s an elite to do? The threat of populism from left, right and centre”, *The Political Quarterly*, vol. 84, no. 3, pp. 410–413.
- Canovan, M. (1981), *Populism*, New York, USA.
- Canovan, M. (2004), Populism for political theorists? *Journal of Political Ideologies*, vol. 9, no. 3, pp. 241–252.
- Decker, F. (2000), *Parteien unter Druck, Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien*, Leske und Budrich Verlag, Opladen, Germany.
- Decker, F. (2006), *Populismus: Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* Wiesbaden, Germany.
- De la Torre, C. (2017), “Populism in Latin America”, in *The Oxford Handbook of Populism*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA, pp. 195–213.

- Geden, O. (2007), *Rechtspopulismus. Funktionslogiken – Gelegenheitsstrukturen – Gegenstrategien*, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, Germany.
- Goetz, N. (2006), *Bedeutung und Tendenzen des Rechtspopulismus unter Berücksichtigung des Aspekts Migration*, München, Germany.
- Grabow K., Hartleb F. (2013), *Europa – Nein Danke?* Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, Germany.
- Hawkins, Kirk A. and Rovira Kaltwasser, C. (2019), “Introduction. The ideational approach”, in *The ideational approach to populism. Concept, theory, and analysis. Routledge studies in extremism and democracy*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 1–24.
- Makarenko, B. (2017), “Populism and political institutions. A comparative perspective”, *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2, pp. 15–27.
- Martinets, Yu.A. (2019), “The growth of right-wing populism in modern Europe (according to the estimates of European experts)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 123–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138.
- Medushevskii, A.N. (2017), “Populism in Western Europe and Russia. Common traces and peculiarities in the comparative perspective”, *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2, pp. 28–47.
- Medushevskii, N.A. (2019), “Culture of tolerance and historical memory. The collision of opposites in modern Polish society”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 99–111, DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111.
- Mény, Y. and Surel, Y. (2002), “The constitutive ambiguity of populism”, in: *Democracies and the populist challenge*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, pp. 1–23.
- Mudde, C. (2002), “England belongs to me. The extreme right in the UK parliamentary election of 2001”, *Representation*, no. 39, pp. 37–43, DOI: 10.1080/00344890208523212.
- Mudde, C. (2004), “The populist Zeitgeist”, *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4, pp. 541–563.
- Mudde, C. (2011), *Voices of the peoples. Populism in Europe and Latin America compared*, Working paper of the Helen Kellogg Institute for International Studies, no. 378, available at: [http://works.bepress.com/cas\\_mudde/32/](http://works.bepress.com/cas_mudde/32/) (Accessed 25 March 2024).
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2013), “Exclusionary vs. inclusionary populism. Comparing contemporary Europe and Latin America”, *Government and Opposition*, no. 2, pp. 147–174.
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2017), *Populism. A very short introduction*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Oskolkov, P. (2019), *Pravyi populizm v Evropeiskom soyuze* [Right wing populism in the European Union], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.
- Stanley, B. (2008), “The thin ideology of populism”, *Journal of political ideologies*, vol. 13, no. 1, pp. 95–110.
- Taggart, P. (2000), *Populism*, Open University Press, Buckingham, UK.

- Taggart, P. (2002), "Populism and the pathology of representative politic", in: *Democracies and the populist challenge*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, pp. 62–80.
- Tormey, S. (2018), Populism: democracy's pharmakon? *Policy studies*, no. 3, pp. 260–273.
- Werz, N. (2003), "Populismus", in *Populisten in Übersee und Europa*, Opladen, Germany, pp. 15–43.
- Zinnel, A. (1996), *Moderner Rechtspopulismus in Frankreich*, Frankfurt a/M., Germany.

### *Информация об авторе*

*Василий С. Грибовский*, кандидат политических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; vasily.gribovsky.92@mail.ru

### *Information about the author*

Vasilii S. Gribovskii, Cand. of Sci. (Political Sciences), independent researcher, Moscow, Russia; vasily.gribovsky.92@mail.ru